

Дмитрий ФУРЦЕВ, чтец,
единоверческий Храм Михаила Архангела
(Михайловская слобода),
член Политсовета ОПОД "Евразия"

ИСТОРИЧЕСКИЙ И ДУХОВНЫЙ СМЫСЛ ЕДИНОВЕРИЯ

ГИХСБпн

Хочу начать свое краткое сообщение по теме единоверия с благодарности организаторам столь знаменательного события — VI Всемирного Русского Народного Собора, руководству РПЦ МП и лично председательствующему на этой секции высокопреосвященному владыке Кириллу за приглашение выступить в столь высоком собрании. Позвольте также выразить свою искреннюю признательность Александру Гельевичу Дугину, который весьма помог мне в составлении данного доклада.

Критика тезиса о прогрессе

Мы сегодня слишком пропитаны светским воспитанием, чтобы адекватно понимать вопросы религии. Прогресс мы воспринимаем как нечто само собой разумеющееся. И отношение к древности у нас не как усвоение готового и не подлежащего пересмотру окончательного суждения.

С социологической точки зрения русский раскол отмечает собой переход Руси от традиционного общества к пост-традиционному, от Святой Руси к светской России, от Московского периода к Санкт-Петербургскому, от совершенной самобытности к равнению на Европу. Напомню, что послераскольный период довольно жестко критиковали славянофилы, а евразийцы 1920-х со свойственным им максимализмом говорили о «двухсотлетнем романо-германском иге». Московская Русь — Русь

дораскольная — основывалась на теснейшей симфонии между Верой и Государством, между обществом и Церковью. Такое неразрывное слияние Веры и Власти характерно для всего византийского периода, и в этом — существенное отличие Восточного Христианства от Западного. Напомню, что в православном вероучении согласно толкованию св. Иоанна Златоустого и других святых отец место из 2-го послания св. апостола Павла к Фессалоникийцам относительно эсхатологической функции «катехона», «держашего», чье существование предотвращает приход в мир «сына погибели», антихриста, недвусмысленно толковалось как описание священной функции Василевса как главы Православного Царства. В этом состоял эсхатологический смысл симфонии властей — православный Василевс является ключевой фигурой священной истории, как ее понимает христианство. Продлевая эту мысль, мы получаем уникальное восточно-христианское понимание сотериологической природы Государства, власти, социального устройства. Можно сказать, что в каком-то смысле «Два Града», о которых писал Блаженный Августин, в византийском понимании симфонии отчасти сливаются, сходятся, тогда как католичество и тем более позднейший протестантизм, напротив, разводят их максимально далеко друг от друга.

Древняя Русь, воспитанная в этом византийском духе, до конца осознает смысл симфонии именно тогда, когда Царьград падает, что было растолковано русскими как плата за Флорентийскую унию. Изгнание митрополита Исидора из Москвы было историческим выражением этого единодушного историософского диагноза. Далее от святителя Геннадия Новгородского, преподобного Иосифа Волоцкого до окончательной формулировки старца Филофея о Москве-Третьем Риме Русь вступает в права полноценного эсхатологического наследия «катехона». Причем особое значение обретают именно Государственность и фигура Царя. Венчание Ивана Грозного на царство, как наследника линии византийских Василевсов, установление русского патриаршества, это *translatio imperii* было не про стым

национальным обособлением, но триумфом слияния священной государственности во главе с Царем-катехоном и Православной Церквю. Московская Русь осознала себя не просто независимой православной страной, но ядром и последним оплотом православной цивилизации, полюсом священного социально-религиозного образования, радикально отличного не только от иноверцев-нехристиан или еретиков «латынян и лютеров», но — и это для нас крайне важно — и от православных греков, которые с утратой государственной независимости потеряли катехоническое значение, симфонический принцип, превратившись из ядра цивилизации в расщепленную реальность узко религиозного толка.

Москва наследует святость Государства. И полученный от греков обряд видится не как национальная адаптация оригинала, а как печать сохранения «православной старины», датируемой той эпохой, когда Византия была симфонической, а Василеве — полноценным катехоном. После падения Царьграда эта катехоническая эпоха промыслительно продлилась на Руси, следовательно, священность Русского Царства воспринималась неотъемлемо от русского церковного обряда, чья особенность и уникальность осознавалась — например, преподобным Максимом Греком или позже Захарией Копыстенским — как прямое продолжение византизма, но еще неиспорченного, полноценного, симфонического и «катехонического».

Послераскольный период дает новое государство и новую церковь

Катастрофичность раскола состояла в десакрализации, научно говоря, общества, государства, всего социального уклада России. Нанеся удар по старому обряду патриарх Никон и активисты Собора 1666-1667 годов попали в средостение церковно-государственного синтеза, денонсировав Святую Русь, приравняв ее к ординарной стране, исповедующей Православие, но только в качестве религии — как, собственно, и сами греки, жившие к тому времени уже два века под властью турецких иноверческих властей. Клятвы,

наложенные на старый обряд и на постановления «Стоглава», в котором канонически отлилась катехоническая национально-вселенская идея Третьего Рима, были приговором русской старине, православной древности и, соответственно, концом полноценного церковно-государственного синтеза. Это вполне осознали сторонники старообрядчества, воспринявшие «порчу веры» как падение всей Святой Руси, как «изъятие от среды катехона», как приход антихриста.

Конечно, это была максималистская реакция, но она отражала очень глубинные установки глубоко православного понимания логики священной истории, функции обряда и освященности государства, сотериологической роли Самодержца. Споры относительно адекватности старого обряда, так просто разрешенные Е.Е. Голубинским, были подытожены в замечательной книге новообрядческого автора В.В. Зеньковского «История старообрядчества».

Отныне на Руси была принципиально новая власть и, если угодно, — новая Вера, поскольку именно в этот момент Православная Церковь становится «религией» приблизительно в том смысле, как этот термин понимался на христианском Западе, ранее же, будучи нераздельно слита со священным царством, она была чем-то гораздо более широким и всеохватывающим, более цельным и тотальным. Фасад сохранился — содержание существенно изменилось. Петровские реформы и последующая русская история — особенно эксцессы XVII века эпохи Анны Иоанновны — продемонстрировали правоту старообрядческих опасений: Россия ушла от своего прошлого, стала иначе мыслить, иначе одеваться, иначе молиться, по-другому говорить, по-другому управлять. Безусловно, это был существенный бросок в сторону Запада. А значит, прочь от Руси Московской, радикальный шаг от древности к современности, от корней к новизне. Повальное распространение малороссийских элементов в иерейской и особенно архиерейской среде подчеркивало этот процесс и его значение. В отличие от великороссов малороссы давно находились в тесном контакте и под

определенным влиянием европейского духа в церковной сфере — от униатства до католичества и (в меньшей степени) лютеранства.

Послераскольный период русской истории имеет несколько фаз. Как это ни парадоксально, но XIX век оказывается по целому ряду параметров более консервативным и древним, нежели XVIII. Вновь образуется в России «старчество», в определенных кругах знати, позже интеллигенции, просыпается интерес к древности, к корням. Славянофилы поднимают на щит идею самобытности русской цивилизации.

Это сказывается и на символической стороне церковной жизни. К нам возвращается восьмиконечный крест, приравненный с конца XVII века к «атрибуту раскольничей брынской веры», аристократия вновь не гнушается носить некогда «запрещенные» бороды, остатки древнего народного быта с любовью изучаются и фиксируются. К старообрядчеству проявляют интерес как правые (славянофилы), так и левые (народники — в частности В.И. Кельсиев, а также сам А.И. Герцен). П.И. Мельников-Печерский, в начале бывший гонителем Керженца, пишет о староверах вдохновенные эпопеи.

Этапы возврата к старому обряду

А каково нынешнее положение дел в отношении старого обряда? Досточтимый владыко Кирилл очень точно сформулировал, что Русская Православная Церковь имеет две части духовного наследия — не только новообрядческую иконовскую линию, но и наследие до-иконовской Руси.

Реабилитация Старой Веры проходила в несколько этапов. В 1800 году (дата показательна в смысле подтверждения нашего предположения о более консервативном характере XIX века по сравнению с XVIII) было установлено митрополитом Платоном Единоверие. Это был серьезный шаг в сторону старого обряда. Он более не считался жестко «еретическим», но скорее миноритарным, допустимым в исключительных случаях, что предполагало уже его мистическую «равночестность», хотя и с большими оговорками.

Досадный эпизод в истории единоверия, приходящийся на правление Николая I, когда в единоверие старообрядцев загоняли насильственно, сильно омрачил это начинание.

На Поместном Соборе 1917-1918 годов вновь был поднят вопрос о пересмотре отношения к старообрядчеству. В подготовительных материалах есть предложения о полной реабилитации старого обряда. Но исключительность момента не позволила довести до конца начатое.

Следующим этапом является Постановление Св. Синода Русской Православной Церкви 1929 года об отмене "клятв" (в то время Мецоблюстителем Патриаршего Престола был митрополит Сергей (Страгородский)). В этом важнейшем для Русского Православия документе содержится признание полной и совершенной равноспасительности старого обряда, снимаются клятвы со староверов и признаются недействительными постановления Собора 1666-1667 годов. Показательно, что в отношении постановлений этого собора документ употребляет те же выражения — «вменить яко не бывшие» — что и его устроители в отношении «Стоглава». Таким образом, именно в 1929 году, в эпоху расцвета Советской Власти была в церковном плане впервые за 300 лет реабилитирована Святая Русь! Епископ Уфимский Андрей (Ухтомский), убежденный сторонник единоверия, замечает, что Постановление Св. Синода 1929 года прошло фактически незамеченным, и даже его создатели не отнеслись к нему со всей серьезностью, но важность этого шага трудно переоценить.

В 1971 году на Поместном Соборе Русской Православной Церкви к этой теме снова вернулись, и основные пункты Постановления Св. Синода 1929 года, реабилитирующие старый обряд и старую веру, были полностью подтверждены и подкреплены авторитетом Собора. Сегодня эта тема о возвращении утраченного, забытого наследия — второй половины Русского Православия (по счастливому выражению досточтимого владыки Кирилла) — снова стоит на повестке дня. Так, в ноябре 2000 года в Кремле в присутствии Святейшего Патриарха Московского и Всея Руси Алексия II

прошло торжественное чествование 200-летнего утверждения единоверия. Это символично — снова в наше трудное время на пороге тревожного тысячелетия мы обращаемся к нашим корням.

О преимуществах старого обряда

Старый обряд — сокровищница церковной православной культуры.

Это и торжественный строй знаменного распева, крюки.

Это вся полнота долгих церковных служб, где не упущено ни единого элемента, не сокращено ни единой строки или поучения.

Это и обязательность русского платья, сарафанов и кафтанов.

Это возрождение уникального старого иконного письма.

Это древнерусская общинность, обычай выбора священников прихожанами.

Это глубокое и полнокровное соучастие всех мирян в богослужении, строгая чинность поклонов и крестных знамений.

Это древнее двуперстие.

Это любовно выделанные лестовки и подрушники.

Это особое древнее благочестие, которое, вопреки всем либеральным послаблениям, заставляет (подчас принудительно) каждого христианина соблюдать человеческий облик.

Это подвиги Мариина стояния с бесчисленными земными поклонами, очищающими душу и тело в скорбные дни Великого поста.

Это удивительные поучения отцев, таящие в себе неожиданные для современников откровения совершенно утраченной нами веры в преобразующее чудо и примеры невысказанной духовной стойкости.

Это живое ощущение пакибытия, цельной стихии невечерней жизни человеческой души, для которой телесная смерть далеко не конец всего, но лишь новое начало.

Это старообрядческая ответственность за слова и поступки, мужской, волевой характер.

Это всесторонняя освященность быта и жизни — труда, еды, одежды, хозяйства, праздников, буден.

Это цельная стихия полного, освященного — и в вере и в быту — православного бытия.

Это не просто дань национальному прошлому, это преемственность корней, чистоты Вселенского Православия, чистой Веры Христовой во всей ее полноте и величии.

Великое возвращение

Возвращение старого обряда, полнокровное восстановление единоверия, этой второй, забытой, почти утраченной Церковью части — это важнейший судьбоносный исторический выбор. Так, мы, по сути, возвращаемся к нашим основам, восстанавливаем полноту традиции, обращаемся духовно к высотам веры отцов. Единоверие, восстановление старого обряда – не просто культовый, обрядовый, чисто внутрицерковный процесс. Движение в этом направлении открывает нам совершенно новые, по сравнению с сегодняшними, горизонты национального государственного общественного бытия.

По сути, этим жестом мы снова обращаемся к Святой Руси, призываем ее забытый, скрывшийся от нас дух. А это затрагивает все параметры нашего бытия. В том числе и отношения между Государством и Церковью. Дух Московского Царства, Третьего Рима — это дух полноценной симфонии, неразрывного единства, синтеза Веры и Власти, Государства и Церкви, клира и мирян, народа и цивилизации, духа и плоти. Это ориентация на восстановление утраченной цельности, святости бытия, на придание нашей духовной традиции полноценного социального измерения.

Такое любовное, доверительное, внимательное отношение к старине куда более соответствует, на мой взгляд, православному настрою, нежели поверхностное и дерзкое презрение к прошлому сторонников «прогресса».

Подвожу итог: в единоверии мне видится не просто воздание должного истории, не только запоздалое исправление фатальных роковых ошибок. Это еще и залог нового пути, нового этапа бытия русского народа, русского Государства, русской Церкви. Это великое возвращение к вечному истоку.

Преодолев раскол, мы соединим две важнейшие части, из которых соткано высокое предназначение нас, русских. И да поможет нам Бог в этом трудном и славном пути.

Русская Православная Церковь в пространстве Евразии. - Материалы VI Всемирного Русского Народного Собора. - ОПОД «Евразия». – М., 2002. - С.67-74.